

И вместе с тем на этот вопрос надо дать ответ, ибо это вопрос о реальной власти, без приобщения к которой мы ничего не изменим в этом мире. И этот ответ, видимо, состоит в решимости по праву теолога претендовать на эту власть и добиваться ее, но не силой оружия, а силой духа, опаленного светом горнего мира.

Гончаров С. З.

О величии и красоте Православия

Духовный генотип есть *идеальный ген*, в котором закодирована социальность народа в ее *ценностных характеристиках*; он содержит в себе в снятой форме те существенные моменты исторического опыта, которые народ пережил, понял и запечатлел в памяти как *жизнеспособные образцы поведения и истолкования реальности*; включает *корневые ценности*, проверенные историческим опытом и закрепленные в религии и культуре. Как в экономическом обмене необходимы единые выразители стоимости товаров (деньги), так и в общении, общественных отношениях необходимы единые выразители субъективности (ценности), по которым люди идентифицируют себя как члены той или иной общности, одного этноса. Такие ценности, как и связанные с ними символы, выражают общепризнанным образом субстанцию народного духа и согласуют воли людей в основных вопросах. Без согласия в душах не будет согласия и во внешних делах. На основе *корневых ценностей* происходит *первичный социальный акт* – *взаимное признание, понимание и доверие*; из этого акта следуют *верность, служение и солидарность*. Корневые ценности согласуют сознания людей и обеспечивают *духовную интеграцию* граждан: служат основой гражданского мира, социального согласия, лояльного правосознания, устойчивости государства и хозяйства. Они направляют через социальные институты весь *нормативный социальный контроль* подобно тому, как звезды на небе направляют путь мореплавателей. Корневые ценности не могут быть относительными (релятивными) уже потому, что они обеспечивают *идентичность народа и духовную интеграцию на*

протяжении веков. Такие функции они могут исполнять лишь тогда, когда они выступают в сознании народа как *абсолютные*. Их абсолютный статус утверждается благодаря *освящению* в религии. Без единых ценностей меркнет правосознание, крошится государство, высыхают глубинные родники, питающие совместное творчество и национальное единение. «Самое глубокое единение людей возникает из их духовной однородности, из сходного душевно-духовного уклада, из сходной любви к единому и общему, из единой судьбы, связующей людей в жизни и смерти, из одинакового созерцания, из единого языка, из однородной веры и из совместной молитвы. Именно таково национальное единение людей» [3, с.323]. В этих словах И. А. Ильин точно выразил сущность и значимость духовного генотипа народа.

Все народы имеют религию потому, что она дает им то, что *не в состоянии дать иные формы сознания*. Религия, соединяя человека с Богом, позволяет обрести *абсолютные ценности*, которые транслируются через толщу веков как надежные ориентиры, негасимые влиянием внешних обстоятельств. На основе таких ценностей в душах людей возникает взаимное признание, доверие, *согласие* в основных вопросах, верность, служение, ответственность, самоотверженность и жертвенность; культура, управление, хозяйство получают единую ориентацию. Возникает *единство в многообразии ценностей*. Религия имеет *ценностную природу* и образует *иммунную систему народного духа против деструктивной социальности*. Ее иммунная функция производна от *абсолютных ценностей*. Секулярная наука не понимает основного, именно ценностной природы религии.

Религиозность начинается со стремления к *высшим ценностям*, с воли к *совершенству*. Такие ценности могут соответствовать статусу высших или нет. Жизненный опыт вносит свои поправки. Религиозный поиск у всех народов имеет единое направление – это вектор к *объективно лучшему, совершенному содержанию*. «Тот, кто ищет религиозного опыта, – писал мыслитель И. А. Ильин, – «вступает в ту сферу, где обитает и обретается само Совершенство. Воля к Совершенству есть основная сила духа и основное побуждение всякой

истинной религиозности. ... Религиозный опыт есть опыт Совершенства, приобретаемый на путях сердечного созерцания» [4, с. 56]. «Любовь к совершенству, – подчеркивал он, – не есть аффектированная фраза или сентиментальная выдумка, но живая реальность и притом величайшая движущая сила человеческого духа и человеческой истории. Поколение людей, которому это чувство чуждо и непонятно – есть поколение мертвое, слепое и обреченное» [4, с. 97]. Христианство выговорило эту тайну религиозного опыта и укоренило в душах людей веру не в силу и мощь, не во внешнюю красоту, не в магический государственный обряд и не в успех земных дел, а в объективно сущее Совершенство, которое обретается любовью. Православие, верное Откровению Спасителя, ведет свои ценности от Совершенства Божия, от самых важных заветов «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» и «Любите друг друга». Совершенное есть абсолютное содержание духа, а любовь – верный субъективный акт приятия совершенства. Любовью мы обретаем все благое – Бога и Родину, семью и творческую жизнь.

Совершенство Божие нам, людям, доступно как гармония истины, добра и красоты, явленная как веяние духа Святого, как благодать Божия. Причастность души совершенной реальности выражается в устремлениях основных ее сил: теоретического мышления – к объективной истине; нравственной воли – к добру; эстетического созерцания – к красоте; веры – к божественному; совести – к оценке помыслов и деяний с позиции должного совершенства. Душа стремится к совершенству потому, что она боготварна и сопричастна совершенству Творца.

Ядром духовного генотипа русского народа выступает православие. В отличие от множества преходящих общественных организаций и партий православие существует в России свыше тысячи лет. Православный дух окрылял святых, праведников, подвижников и героев России, служил критерием национально-культурной идентичности, благодатно питал любовью к совершенству русскую культуру, все ткани народной жизни, и вел громадную

страну через пространства истории. Православие есть духовная первооснова, ценностный ген национальной идеи России по следующим основаниям:

1. Православие укореняет души в *духовный совершенный абсолют – в совершенство Божие*, и тем самым наполняет самосознание объективно лучшими ценностями и выступает самой развитой *аксиологией*, которой *добровольно придерживаются миллионы людей*. Ценности православия жизнеспособны потому, что они ориентированы на самый развито *духовный опыт*.

2. Православие навсегда оформило и закрепило *строение русской души*, утвердило качественно определенный *духовный акт русского народа*, и этот акт стал и актом всей *русской культуры: любящее сердце направляет мышление и волю*. Тем самым Православие превратилось в существенную *антропологическую характеристику русского народа*: *духовный акт, модифицированный Православием, стал всеобщим антропологическим базисом*, из которого развились своеобразная культура и образ жизни, ценностные основы бытия человека, семьи, Родины, правосознания и государства, труда и собственности, военного дела, профессиональной этики и др. *Своеобразие духовного акта и ценности-святыни*, которые его направляют, *есть сама животворящая сердцевина национальной идеи*. Ни экономические, ни политические, ни социальные стратегические установки еще не составляют сами по себе национальной идеи; наоборот, они производны от ценностей и духовного акта народа.

3. Православие, укоренив верование в совершенство Божие, сообщило народу *абсолютную самоидентификацию*, связав ее с идеалом *объективно лучшим и объективно сущим*. Такую идентичность не размоют исторически преходящие обстоятельства в экономике и политике. А качество того, с чем человек и народ себя идентифицируют и во что верят, самым непосредственным образом определяет *степень устойчивости их самосознания и душевного здоровья*. В вопросе самоидентификации *проявляется вся важность различий между ценностями относительными и абсолютными*,

между душевной и духовной стадиями психики. На душевной стадии личность идентифицирует себя с ценностями *внешнего* опыта. Но то, что вне души, то «преходит», его «ест тля и ржа». Отсюда мудрое наставление: не сотвори себе кумира из творений без Творца, не возводи относительное в абсолютное. Только религия дает человеку абсолютные ценности и тем самым надежную основу для самоидентификации и душевного здоровья. Поэтому все народы имеют религиозные святыни. Если убрать такие святыни у русского или еврейского народов, то эти народы денационализируются и ассимилируются.

4. Православие – религия *креативно-антропологическая*. Ее антропология принципиально отличается от философской тем, что понимает сущность человека с позиций *абсолютного основания*: Бог есть полнота совершенств; душа человека есть *образ и подобие Божие*; она *генетически и субстанциально* причастна божественному совершенству; образ Божий в душе есть *источник всех положительных качеств и ценностей человека*. В православной антропологии *категория совершенства является основополагающей* для воспитания ценностного сознания. Первой задачей является воспитание любящего сердца. Любовь направляет мышление к поиску *объективной истины*, волю – к сотворению *добра*, созерцание – к восприятию *красоты*, а веру – к совершенным абсолютным ценностям, к *Богу*. Любовь воспринимает совершенное эмоционально целостно и художественно, а верование – духовно-целостно. Истина, добро и красота есть разные проекции совершенства на экране различных способностей. Совершенное является мышлению как истина, воле – как добро, созерцанию – как красота. Верование соединяет эти проекции в единство. В Декларации о правах и достоинстве человека X Всемирного русского народного собора проведена последовательная линия в понимании прав человека согласно *образу Божию* в душе каждого. Совершенство вменяется каждой личности как изначальная «ценность», дарованная Богом и явленная как совесть. «Права человека имеют основанием ценность личности и должны быть направлены на реализацию ее достоинства. Именно поэтому содержание прав человека не может не быть

связано с нравственностью. Отрыв этих прав от нравственности означает их профанацию, ибо безнравственного достоинства не бывает» [2]. Версии же секулярного гуманизма не имеют абсолютной ценностной основы, поэтому они плюралистичны и часто ценностно нейтральны.

5. Православие соединяет *творчество человека с совершенством Творца*. Как Господь сотворил мир от полноты своего совершенства, так и человек творит, движимый чувством качества: любовью, добротой, радостью, вдохновением и др. *Творчество производно от совершенства*. Творчество возникает тогда, когда человек актуализирует в себе свет совершенства Божия и объективирует свою боготварную душу со стороны ее лучших содержаний. В сознании народов творчество не случайно квалифицируется как «дар Божий». Творчество по существу религиозно, оно, как и религия, связано с совершенным. Вдохновение движет творчеством. Но *вдохновение есть благоговение и восторг от совершенного*. Человек в актах творчества продолжает дело Божие на земле и выступает сотруженником Бога. Дело Божие на земле есть устремленность всего сущего к *совершенной реальности, преодолению материи, освобождению от слепой стихии на путях к свободе и совершенству, к гармонии духа и природы*. Поскольку душа каждого человека есть образ и подобие Божие, то *каждый человек есть творец по своим возможностям*. Деградирование людей возникает тогда, когда они собственными усилиями гасят в себе свет совершенства Божия, оскверняют свою душу ничтожным содержанием в погоне за «прелестями», отрывая инстинкт от идеала, натуру от культуры, душу от Бога. Человек сам пылит и не видит солнца. Православие основывает творчество на духе *совершенства*, на положительной аксиологии, предохраняя личность от *вседозволенности безответственности*.

6. Православие – религия *культуротворческая*. Культура возникает у всех народов из *культурной деятельности, соединяющей человека с божеством*. Образ совершенства Божия продуктивен для науки, искусства и нравственности. Если совершенен Творец, то совершенны и те меры, согласно

которым сотворены мироздание и человек. *Задача науки – познавать эти меры и содействовать улучшению реальности. Наука, таким образом, познает Бога по Его творениям.* Истинный ученый, в отличие от представителя «полунауки» (Ф. М. Достоевский), интуитивно исходит из предпосылки, что предмету присущ «порядок, мера и стройность»; «истинная наука рационалистична только по завершающему, последнему орудию своему, по мысли, но основной предпосылкой ее является чувство тайны, чувство любви, чувство преклонения, чувство восторга перед совершенством» [5, с.350]. Достаточно сослаться на высказывания Коперника, Бэкона, Галилея, Кеплера, Бойля, Дюбуа Раймона, Эрстеда, Шлейдена, Фехнера, Ж. Сент-Илера и других создателей естествознания, классической литературы и поэзии [3, с.233-234, 350-351; 5, с. 350]. Наука как раз вырождается тогда, когда гаснет «восторг перед совершенством».

Идея Бога эвристична для науки, ибо выводит сознание в высшие духовные сферы смыслов и гармонии. Творцы классической культуры, например естествознания, были, за редким исключением, людьми глубоко верующими: Коперник, Ф. Бэкон, Г. Галилей, Кеплер, Ньютон, Бойль, Р. Маер, астроном Мэдлер, геолог Лиэлль, химик Либих, физиологи Дюбуа Раймон, и И. П. Павлов и т.д. [3, с.233-234]. Примечательно, что классики немецкой философии Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Фейербах окончили теологический факультет. Религиозное миропонимание позволяет понять специфику науки, но не наоборот. Перед сциентистским же сознанием возникает проблема, которая не может не тревожить научную совесть: научный метод обязывает говорить языком самого предмета; чтобы это делать, надо знать предмет; чтобы понять религию, надо ее воспринять, пережить и понять, а затем судить о ней, иначе суждения о религии подобны мнению человека о содержимом в той комнате, в которую он никогда не заходил.

Определенный род предметов воспринимается соответствующим ему субъективным органом. Религия не альтернативна науке так же, как зрение не отрицает слуха. Требовать от верующей души воспринимать мир по – научному

так же некорректно, как настаивать на том, чтобы ухо научилось воспринимать живопись. Нравственные представления, замечает известный антрополог Ю. М. Бородай, тоже не научны. «Но бессмысленно ставит вопрос об их истинности, ибо у них совершенно иная функция, вовсе не познавательная, – это цемент, скрепляющий общность. Функция важная – *первостепенная* в антропогенезе» [1, с. 187]. «Функция коллективных нравственных представлений состоит в обеспечении *единства ценностной ориентации* многих «Я», включенных в данную общность, посредством идентификации их с какой-нибудь одинаково отстраненной от всех идеальной сущностью» [1, 189]. Такой сущностью и выступает образ Божий. Поэтому нравственность без Бога невозможна. На каком основании тогда утверждать равноценность каждого человека?

Функция науки – дать адекватное отображение объекта *мыслью*, функция религии и нравственности – духовно объединить индивидов «со свободной волей» в «братскую общность». Социокультурная роль религии и нравственности важнее инструментальной функции науки. «Соборный культовый ритуал, бессмысленный с точки зрения познавательной функции разума, – нормальная и, как оказалось, самая эффективная форма символизации нравственных представлений первородной общины, религиозной конфессии и даже атеистической общности, основанной на «рациональной» идеологии» [1, с.189]. Французские якобинцы, замечает Ю. М. Бородай, отменившие религию Бога, стали создавать новый «культ Разума». Л. Фейербах Богочеловека заменяет человекобогом. Свой культовый ритуал ввели немецкие нацисты. Однако светская религиозность – без Бога. Поэтому развитие «секулярной надконфессиональной, сверхэтнической и трансидеологической цивилизации», как отмечает Ю.М. Бородай, выявляет такую закономерность: «Чем больше нравственность порывает с культом и, уподобляясь знанию, стремится к обретению статуса «истинности» своих представлений, по мере того как культовый ритуал вытесняется свойственными познанию процедурами верификации, нравственность умирает, превращается в анахронизм, «предрассудок». Она замещается отчасти правом и все чаще прямым

директивным администрированием начальства. Функцию нравственности (организацию человеческой общности) все больше берет на себя полиция» [1, 189-190].

Но человек – существо не только мыслящее, но и *чувственное, воображающее и созерцающее*, что является субъективной основой *искусства*. Божественные идеи-меры даны человеку в природном материале и занавешены им. Задача искусства – представить эти идеи-меры в таком виде, чтобы они стали прозрачными для *созерцания*. Тогда эти идеи-меры будут восприниматься не только как истина, но и как *красота*. Искусство призвано *окультуривать чувственность, воображение и созерцание по законам красоты*, а не эстетизировать пороки и не разнуздывать инстинкт вне идеала, чем заняты современные СМИ.

Нравственность возникает из отношения человека к другим людям, к самому себе и к Богу. Душа каждого человека есть образ и подобие Божие, следовательно, души всех людей имеют единую субстанцию, а поэтому – *равноценны*. Совесть оценивает помыслы и деяния, исходя из *равноценности каждого* человека, из должного совершенства. Совесть существует в человеке, но она независима от его произвола и судит *надындивидуальной мерой*. Хотя люди разные, но *когда они поступают по совести, они поступают одинаково*, согласно своей единой богосотворенной сущности. Нравственность обязывает нас *видеть в душе каждого человека образ и подобие Божие, признавать равноценность достоинства каждого человека независимо от пола, национальности и социального положения, не превращать других людей лишь в средство для своих личных целей, оценивать помыслы и деяния абсолютной мерой – образом Божиим – и спасать себя и других тогда, когда человек теряет в себе этот образ*. Одним словом, *нравственность обязывает жить по заветам Христа-Спасителя*.

7. В Православии *образ Святой Троицы*, где каждая ипостась Божия нераздельна и неслиянна, выступает как *органон* для человеческой социальности; соборность Святой Троицы – эталон соборности церкви.

Церковная соборность есть свободное единение людей во Христе на основе любви. Любовь понимается как Божий дар, связующий человека с Богом и людьми; как нечто абсолютное, возвышающее человека от индивидуальной обособленности к *соборности* и *вселенскости*, ко всеобщей солидарности и ответственности. Поэтому и спасение толкуется не как индивидуальное, а как «совместное и соборное, совершаемое действием и силой общего подвига, веры, молитвы и любви» [6, с. 411]. Соборность укрепила такие качества народа, как *общинность* и *артельность в хозяйстве*, *державность в государстве*, *патриотизм в истории*, а в целом, *служение высокой общенациональной идее*, а не узким личным, партийным и классовым интересам. Дух соборности ориентирует на социальную *синергию* – на сотрудничество, кооперацию совместных усилий, на согласование интересов личных и общественных, корпоративно-профессиональных и государственных. Соборное сознание выходит за узкий горизонт частных значений: за «моим» и «твоим» оно видит «наше», за многими «я» – «мы», за многообразием национальных культур – единство человеческого духа, за космической пылью – Бога. О закрытости и тоталитарности православия могут утверждать или несведущие люди, или недруги.

8. Любовь к совершенству Божию актуализирует все лучшие качества человека: доброту, свободу, мастерство и искусство, верность, ответственность и служение, взаимопомощь и др. Ибо человек любит нечто достойное, объективно лучшее. Совершенному он служит не за страх, а за совесть, ему он верен до самоотверженности и готов защищать его словом, делом и мечом. *Традиции православных святых противоположны непротивленчеству*, и эти традиции призвано унаследовать в XXI веке молодое поколение православных людей России.

9. Православие духом соборности объединяет социальные группы и классы и порождает надклассовую солидарность. Государство в православном понимании есть не машина угнетения, а волевой союз граждан для совместной добродетельной жизни, орган добровольной лояльности и солидарности.

Государство призвано исходить из целого, а не из частей: поддерживать те законные интересы лиц, групп и классов, реализация которых идет на пользу всем, т.е. работать по программе *всенародной справедливости*, а не классового эгоизма. Православие возносит чувство родного и Родины до их абсолютной вершины – совершенства *Отца Небесного*, снимая тем самым феномен *отчуждения* между людьми.

Всех этих существенных даров Православия не заменят светские концепции.

Литература

1. Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу. М., 1996.
2. Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного русского народного собора // Православная газета №15 (384) 2006 от Р. Х.
3. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: В 2 т. – М., 1993, т. 1.
4. Ильин И. А. Основы христианской культуры // Собр. соч.: В 10 т. – М., 1993, т. 1.
5. Ильин И. А. Путь духовного обновления. – М., 2003.
6. Новгородцев П. И. Существо русского православного правосознания // Соч., М., 1995.

Остапенко М.А.

Сравнительный анализ трактовки русскими академистами и современными исследователями проблемы происхождения религии

Ни один преподаватель религиоведения, культурологии, философии не может в своей работе обойти вопрос о происхождении религии. Затрагивая те или иные проблемы религиозной жизни, пытаясь раскрыть механизмы, действующие в этой сфере, сравнивая различные религиозные течения и проч., рано или поздно мы задаемся вопросом, какая религия самая древняя, что было в начале. Очевидно, что от решения этого вопроса зависит дальнейшее построение курса религиоведения или культурологи, зависят во многом ответы